

Федорова Валентина Павловна

ДВОРЯНСКАЯ СЕЛЬСКАЯ СВАДЬБА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА: ВАРИАНТ СРЕДНЕРУССКОЙ ТРАДИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ А. Т. БОЛОТОВА)

В статье исследован локальный вариант сельской среднерусской дворянской свадьбы (Тульская губерния) середины XVIII века, выявлены традиционные черты общерусского обряда и те изменения, которые вносились в него провинциальным дворянством, усваивавшим во время воинской и гражданской службы в столицах правила светского тона. Эмпирическая база - записки небогатого дворянина, владельца села Дворянинова Тульской губернии А. Т. Болотова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 2. С. 44-47. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 392.51

В статье исследован локальный вариант сельской среднерусской дворянской свадьбы (Тульская губерния) середины XVIII века, выявлены традиционные черты общерусского обряда и те изменения, которые вносились в него провинциальным дворянством, усваивавшим во время воинской и гражданской службы в столицах правила светского тона. Эмпирическая база – записки небогатого дворянина, владельца села Дворянинова Тульской губернии А. Т. Болотова.

Ключевые слова и фразы: А. Т. Болотов; свадьба; свадебные чины; драматургия свадьбы; изменение пространства свадьбы; крепостной оркестр; традиция; новаторство; фольклорный контекст; сказки; былички; устные рассказы; легенды; песни; роспись приданого; сельское дворянство.

Федорова Валентина Павловна, д. филол. н., профессор
Курганский государственный университет
kafedrailif@rambler.ru

ДВОРЯНСКАЯ СЕЛЬСКАЯ СВАДЬБА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА: ВАРИАНТ СРЕДНЕРУССКОЙ ТРАДИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ А. Т. БОЛОТОВА)

Восемнадцатый век характеризуется повышенным вниманием к фольклору, освобожденному от гонений, последовавших за известной Грамотой царя Алексея Михайловича (1649 г.), разосланной по всему государству. Запрещалось петь «бесовские песни», плясать, водить медведей, появляться скоморохам [1, с. 124-126]. Только в 1722 г. Петр I разрешил народные забавы даже в храмовые праздники после литургии [15, с. 393].

Хотя песня была под запретом, но не забывалась, о чем свидетельствуют рукописные песенники, которые составлялись уже в 40-е годы XVII в. [31]. Начали публиковаться песенные сборники. Так, в 1759 г. в Санкт-Петербурге вышел первый нотный песенник «Между делом безделье, или собрание песен с приложением тонами на три голоса. Музыка Т. Т.». Рассчитанный на салонную публику, он, вместе с тем, обострил внимание к песне, в том числе и к народной. Важен был прецедент издания книги-песенника. В 1770-1774 гг. издано М. Д. Чулковым «Собрание разных песен» в 4-х частях. Аура внимания к народной культуре проявлялась многогранно. А. Н. Радищев включил фольклорные тексты в «Путешествие из Петербурга в Москву» [22, с. 63-68, 77, 110, 167, 174, 178-180]. Н. М. Карамзин возвеличил названием своей повести меткое слово топонимического предания [11, с. 3-18]. Выросший в деревенской среде А. Т. Болотов (1738-1833) был настроен на волну традиционной крестьянской культуры, о чем свидетельствуют пословицы, афоризмы, пронизавшие его книгу «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков» [5]. В русскую культуру Болотов вошел энциклопедистом, владельцем значительной библиотеки. Он «...был членом трех очень представительных научных обществ: Вольного экономического (с 1761 г.), Московского Общества Сельского Хозяйства (с 1820 г.) и Королевско-Саксонского Лейпцигского Экономического Общества (с 1794 г.)» [8, с. 3]. Он известен как ученый-агроном, экономист, архитектор, писатель, этнограф, фольклорист, переводчик, философ, организатор учебных заведений, театра и т.д. Один из биографов А. Т. Болотова называет его «зачинателем русской критики» [20, с. 257]. Он способствовал распространению в России помидоров и картофеля, грамотного хозяйствования на земле, парковой культуры. Многогранность деятельности А. Т. Болотова отражена в объемном библиографическом списке [3, с. 316-317]. Особенно обострилось внимание к личности и трудам А. Т. Болотова в связи с его 250-летием. В частности, вышло несколько книг С. Новикова, в которых мемуарист представлен как человек разносторонних интересов, сеятель и хранитель нового в разных областях науки, просветительства, искусства, практических делах садоводства, паркового хозяйства, сельского хозяйства [19; 20; 21]. Ему задолго до Л. Н. Толстого удалось открыть школу, в которой опробовался опыт составления учебных материалов. «Он сочинял загадки, составлял детскую философию» [20, с. 128]. Подчеркнул С. Новиков интерес мемуариста к фольклору: историческим анекдотам о Потемкине, духовным стихам [Там же, с. 325].

Его жизнь наполнена яркими событиями: был адъютантом при Н. А. Корфе и В. И. Суворове, пережил царствование Елизаветы Петровны, Петра III. Более 22 лет он управлял собственными волостями Екатерины II. После кончины императрицы собственные волости Ее Величества были пожалованы ее внебрачному сыну – графу А. Г. Бобринскому. Болотов от предложения исполнять ту же должность отказался. Умный, активный, наблюдательный, образованный, Болотов утвердился в культуре своего времени не просто созерцателем, но просветителем, внесшим вклад в разные области знаний и творчества. Его мемуары «...содержат ценнейший материал для характеристики русского быта и русской общественной жизни» [5, с. 91].

Выходец из небогатой дворянской среды, рано осиротевший, он начал познавать жизнь через военную службу. В краткие передышки между походами «*в мире и в тишине... занимался чтением, переводами и науками*» [Там же, с. 7]. Это было время Екатерины II и Потемкина, когда поощрялся интерес к наукам и творчеству.

Болотову довелось узнать жизнь Западной Европы, дворцов и крестьянских домов, военные походы и тихие сельские вечера. Он слышал крестьянскую афористичную речь, что позволяло ему выразить и напряженность своей жизни, и психологическое состояние. В провинции, когда надо было отстаивать свои интересы, мемуаристу приходилось, как он образно заметил, «извиваться ужом и жабою, употреблять волчий рот и лисий хвост» [Там же, с. 384]. Не ускользнули от внимания молодого дворянина былички. При этом подчеркнем важность замечания собирателя о широкой социальной сфере бытования быличек: их пересказывает барыня-

госпожа Татьяна Михайловна Тимирязева, перенявшая их в своем имении от крестьян. Былички Болотов рассматривает как отражение народных воззрений, как показатель сохранности язычества. Из многообразия текстов выбран сюжет о похищении ламинального существа – только что родившегося ребенка [30, с. 138-149]. Шестерых новорожденных детей, по рассказам, украли ведьма. На седьмом вышла осечка: ведьме, принявшей облик собаки, отрубили руки. В соответствии с жанровыми канонами быличек, происшедшее выдавалось «за святую правду» [5, с. 389].

Наблюдения Болотова свидетельствуют о том, что в XVIII веке одни и те же сюжеты бытовали как среди крестьянства, так и в среде уездного дворянства [Там же, с. 383-391]. С горечью и недоумением просвещенный человек увидел живучесть языческих суеверий даже в среде священнослужителей. Два его соседа умерли в непримиримой вражде, вызванной искренней верой одного из них в нанесение ему соседом-попом урона силами черной магии. Поп поверил в то, что другой поп навел порчу на ворота, которые преграждали скоту дорогу во двор [Там же, с. 392-393]. Другой не вынес обиды. Вражда унесла обоих. Наполнена книга устными рассказами, воссоздающими колорит XVIII века: персонажами текстов являются исторические лица, оказавшиеся в необычных обстоятельствах. В частности, приведены рассказы о лечении знатных особ сибирским лекарем – армейским фельдшером Ерофеичем, который «грамоте не умел» [Там же, с. 368-347]. Сделаны наблюдения над пасхальной обрядностью, в которой отчетливо проступает двоеверие христиан века Просвещения. Человек своего времени, А. Т. Болотов радуется христианскому наполнению обряда, а также мирскому веселью, за которым упрямо стоит язычество: катание на качелях, катание яиц по земле и т.д. [Там же, с. 398-399]. В соответствии с действительностью отмечено возрастное деление села на празднике, занятия каждой группы [Там же, с. 398].

Мемуары А. Т. Болотова позволяют видеть переплетение традиционных обрядов и того нового, что вносилось Петром III, Екатериной II. Так, по традиции, наблюдал мемуарист, на масленицу молодежь каталась на конях по улицам и переулкам, знакомые и родственники гостили друг у друга. Но по задумке императрицы был организован в Москве маскарад, имевший «...собственной целью своею осмеяние всех обыкновеннейших между людьми пороков...» [Там же, с. 228]. Новое наполнение древнего праздника социальными и нравственными проблемами, по замечанию А. Т. Болотова, принималось и верхами общества, и низами. Отмечена важность зрелищности обрядов.

Общественное внимание к фольклору, дружба с Н. И. Новиковым пробудили в А. Т. Болотове интерес к ярким проявлениям культуры разных народов. Служа в армии, стоявшей в Европе, он делал заметки о местных обрядах, в том числе и о свадьбе. Болотов не только внимательно записывал увиденное, но и комментировал происходившее. Для современных фольклористов представляют интерес замечания Болотова о психологическом воздействии традиционных и новых обрядов. Очень важны его наблюдения над фасадом тех обрядов, которые вводил Петр III. С одной стороны, потрясающей красоты фейерверк, а с другой, – унижительный для России мир с Пруссией, который подписал император, в честь чего был устроен пышный праздник. Зоркий глаз наблюдателя отметил нарушение этики общественных празднеств: с одной стороны, богатство стола для знати и убожество третьесортного угощения для народа – с другой.

Мечта о красивом доме и хорошей семье во многом определила интерес А. Т. Болотова к обряду новоселья и свадьбе. Жизнь у сестры после выхода в отставку дала ему возможность наблюдать обряд новоселья [Там же, с. 180-181]. Он внимателен к историям создания семей. Его поразила женитьба родного дяди, жившего недалеко от Дворянинова. В солидном возрасте тот женился на «состоятельной девушке», почти своей ровеснице. Свадьба, главным персонажам которой в сумме было 150 лет, изумила Москву. Изумился и племянник, считавший брак святым союзом, единением родственных душ, взаимным обогащением знаний, а не объектом насмешки.

Собственный опыт поисков невесты в Москве окрашен юмором. Сквозь призму своей судьбы автор мемуаров защищает идеал брака, основанный на взаимном уважении, единстве жизненных позиций, духовных запросов, доверии, любви. Он в юности так поразился выбором Петром III любовницы, что при виде ее невольно воскликнул: «Ах! Боже мой, да как это может стать! Уж такую толстую, нескладную, широкожую, дурную и обрюзглую совсем любить и любить еще так сильно государю?» [Там же, с. 109].

Выросший в условиях устойчивости свадебного обряда, Болотов видел в нем обязательный компонент института создания семьи. Он впервые описал сельскую дворянскую свадьбу среднерусского типа (современная Тульская область). Варианты ее отдельных компонентов свидетельствовали о первых признаках разрушения традиционного, единого для русского этноса обряда [29, с. 74]. В описании Болотова это событие окружено мифологическим контекстом, что соответствует своеобразию его восприятия носителями этнической культуры и в других регионах [32, с. 183-246]. Сообщается о том, что накануне женитьбы ему приснился пророческий сон: некто показал на девушку пальцем и сказал: «Вот твоя невеста» [5, с. 326]. Человек «века просвещения», А. Болотов стремится найти реалистическую основу сна, но сбивается на христианскую мифологию, считая его «промыслом Господним», а затем на язычество, обращаясь за благословением к солнцу [Там же, с. 293-294].

Судя по «Домострою», к концу XV – началу XVI века обряд в своей структуре уже был оформлен. Три варианта «свадебного чина», то есть три варианта свадьбы, давали простор выбору того или иного сценария, но в рамках сложившейся традиции. Люди имели право прикидывать свои материальные возможности [9, с. 91-104].

А. Т. Болотов проявлял интерес к разному типу свадеб как форме закрепления семьи. В юности они с Григорием Орловым, тогда еще капитаном и приставом у пленного прусского королевского адъютанта графа Шверина, во время службы бывали в Кенигсберге на мешанских свадьбах [5, с. 127]. Те свадьбы запомнились отсутствием торжественности и комплекса обрядов, характерных для русской свадьбы. Европейские свадьбы были

светскими праздниками, наполненными плясками, весельем. В своей Тульской провинции ему удалось быть участником дворянской свадьбы своих соседей. Дополняла сведения собственная свадьба. Эта тема не обратила внимания исследователей. Есть краткое замечание о том, что Болотов «переложил детали свадьбы», отметил венчание, оркестры, вечернее освещение [19, с. 67]. На наш взгляд, его мемуары дают представление о региональном варианте русской свадьбы второй половины XVIII века определенной социальной среды. Они позволяют выявить отношение мемуариста и к браку, и к его оформлению – свадьбе, и к разным ее структурным компонентам. Что же в изображении Болотова является специфичным для сельской дворянской свадьбы середины XVIII века? Произошли изменения в составе свадебных чинов. Мужские и женские чины, обязательные при сватовстве, исчезли, уступив место *профессиональной свахе* – персонажу традиционного обряда Центральной России. В книге Болотова эту роль выполняет немка Ивановна, не знающая покоя в матримониальных хлопотах и зарабатывающая этим ремеслом. В соответствии с этикетом, а также с языческим представлением о необходимости соблюдения тайны сватовства, чтобы оградить его от вредоносных сил, жених и сваха не задают прямые вопросы о свадьбе, а плетут словесный узор, понятный им [5, с. 264-265].

Однако сохранились традиционные чины обряда: жених, невеста, мать невесты – будущая теща, поезжаны, родные.

Благодаря Болотову фольклористы и этнографы имеют возможность изучать разные аспекты драматургии дворянской сельской свадьбы середины XVIII века среднерусской полосы. Для этой локальной традиции, в частности, характерна роспись приданого как важный мотив сюжетостроения свадьбы. Надо сказать, что наличие приданого даже в середине XX века считалось почти повсеместно, в том числе на Урале и в Сибири, «необходимым условием для заключения брака» [2, с. 27]. Однако в это время, как свидетельствуют наши экспедиционные материалы, приданое рассматривалось не столько материальной опорой семьи, сколько выполнением этических традиционных норм, средством характеристики отношения к браку невесты и её достоинства как хозяйки дома, её материальной независимости [Там же]. В «Домострое» роспись приданого отражена в расширенном и сокращенном вариантах. Рекомендовано исполнять традицию: «После благословения крестом станут и говорить, и писать договорные записи и редную грамоту, уславливаясь, и сколько за договор и чего приданого, а как подпишут и закончат записи, скажет священник: “О тебе радуется”» [9, с. 181]. Роспись приданого уже в XVII веке вызывала ироническое отношение, о чем свидетельствует известное сатирическое произведение «Роспись о приданом» [10, с. 124-128]. Курьез с росписью приданого Болотов изобразил в жестах и диалогах участников обряда, высказав резко отрицательное отношение к давнему обычаю. Как свидетель со стороны невесты на свадьбе соседей он имел возможность изнутри видеть трагикомические черты реализации обычая. Дело в том, что отец невесты был из обедневших дворян и даже условленную на сватовстве сумму к сговору собрать не смог. Жених, бывший гвардеец, маломощный дворянин, желал получить не только приданое в предметах, но и деньгами в соответствии с правилом: «Ужинаем – твоё, обедаем – моё». У тестя денег в полной мере не было. Не помогали ни долговые расписки, ни поручительства свадебных чинов. Жениха и тестя «снесло» – столкнуло. В спор вступили приглашенные «свидетели»: «*Сей вздор продолжался более часа, и доходило до хорошей брани, и, наконец, расстались ни на чем и не очень гладко, так что мы и не знали, что последует после*» [5, с. 479]. Продолжение «вздора» произошло на главном дне свадьбы – акте венчания и свадебном пире.

Вариант свадьбы в воспоминаниях Болотова – свидетельство разрушения единой для этноса структуры обряда. С одной стороны, в среднерусской традиции сохранились некоторые общерусские драматургические компоненты: сватовство, сговор, благословение перед венчанием в доме невесты и после венчания в доме жениха, княжий пир, брачная ночь, приглашение родителей невесты на свадебный пир, взаимное одаривание жениха и невесты. Однако Болотовым подчеркнута отличие дворянской «радости»: «...свадьба была самая простая дворянская, и не с пышной руки, и не мотовская» [Там же, с. 292]. В это время даже сельские господа в отправление традиционного обряда вносят детали, отличающие их свадьбу от народной. Новшеством стало приглашение музыкантов, естественно, крепостных. С восторгом сообщил Болотов о том, что у него были не только «скачки и пляски», но и звучала музыка: «*Гости, приглашенные мною к сему торжеству, съехались ко мне еще накануне того дня, как быть свадьбе, и довольно рано, ибо всем хотелось видеть, как привезут приданое. И как погода тогда стояла наилучшая июльская, то весь вечер проводили мы в саду, гуляя в оном и слушая играющих вальторнистов, ибо музыка была к нам уже привезена, и мы восхотели ею попользоваться*» [Там же].

Отход от традиционной свадьбы проявился в приглашении специальных распорядителей, умеющих обслужить столы. Болотов сетует на то, что такого чина у него в доме не было, поэтому не все гости могли наслаждаться всеми яствами. Сам мемуарист внес в своё «веселье» (свадьбу) такие элементы как отдых в саду, любованье фруктовым садом. К сожалению, не приведено ни одной песни. Может быть, уже в XVIII в. в барских усадьбах Центральной России не звучали плачи, но «скачки и пляски» требовали какого-то музыкального исполнения. Что-то, безусловно, на свадьбе А. Т. Болотова пелось. На комплекс свадебных песен как составную часть крестьянского обряда указывают поздние записи. В сборнике «Свадебные песни Тульской области» (29) приведены песни сговора (15), девичника (28), венчального дня (20), свадебного пира (75) [29, с. 25-185]. Внимательное изучение региональной традиции позволило составителям этого собрания сделать репрезентативный вывод: «Свадебные песни Тульской области представляют собой выдающееся явление народной художественной талантливости..., они украшали и поэтизировали всё сложное течение драматизированной “игры” свадебного обряда» [Там же, с. 24]. К сожалению, они не приведены А. Т. Болотовым в книге, адресованной широкому кругу читателей. Замечание о том, что мемуары обращены к крестьянству, весьма спорно [16, с. 13].

В. Лазарев и А. Толмачев на архивном материале выявили среди почитателей А. Т. Болотова Л. Н. Толстого, который обращался к «запискам» дважды: в 1878 и 1907 годах, назвав их «драгоценнейшими» [14, с. 47]. Многообразие трудов А. Т. Болотова дает основание для размышлений «...о вкладе помещного дворянства той эпохи в отечественную культуру» [12, с. 188].

Список источников

1. **Акты, относящиеся до юридического быта древней России.** СПб., 1864. Т. 2. № 224. 236 с.
2. **Артюшкина Е. И.** Состав и роль приданого в свадебной обрядности русского населения Южного Урала в конце XIX – середине XX в. // Этнография и фольклор народов Южного Урала: русская свадьба: сборник научных статей. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. С. 27-37.
3. **Бердышев А. П.** Андрей Тимофеевич Болотов – выдающийся деятель науки и культуры. М.: Наука, 1988. 317 с.
4. **Болотов А. Т.** // Биографический словарь деятелей естествознания и техники: в 3-х т. / под ред. А. А. Зворыкина. М.: Большая советская энциклопедия, 1958. Т. I. С. 90-91.
5. **Болотов А. Т.** Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: в 3-х т. / вступ. ст. С. Ронского; прим. П. Жаткина, И. Кравцова. М.: Терра, 1993. Т. I. 543 с.
6. **Ганичев В.** Дела делатель // Москва. 1988. № 11. С. 158-166.
7. **Ганичев В. Н.** Тульский энциклопедист. Тула: Приокское книжное изд-во, 1986. 160 с.
8. **Глаголева О. Е.** А. Т. Болотов – ученый, писатель, энциклопедист // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 3-16.
9. **Домострой по списку Общества истории и древностей российских** / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова и М. В. Пименовой. М.: Советская Россия, 1990. 304 с.
10. **Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым** / под ред. А. А. Горелова. СПб.: Тропа Троянова, 2000. 432 с.
11. **Карамзин Н. М.** Повести. Стихотворения. Публицистика. М.: Олимп; АСТ, 2001. 208 с.
12. **Ковалев К.** 34780 дней жизни Андрея Тимофеевича Болотова // Москва. 1988. № 10. С. 188-190.
13. **Лазарев В. Я.** Сокровенная жизнь. М.: Современник, 1978. 223 с.
14. **Лазарев В., Толмачев А.** Новые страницы жизни и приключений Андрея Тимофеевича Болотова // Наше наследие. 1988. № 6. С. 45-55.
15. **Ливанова Т.** Русская музыкальная культура XVIII в.: в 2-х т. М.: Государственное музыкальное издательство, 1953. Т. II. 393 с.
16. **Милов Л. В.** А. Т. Болотов – автор крестьянской энциклопедии // Вопросы истории. 1991. № 78. С. 13-25.
17. **Мифы народов мира:** в 2-х т. / под ред. С. А. Токарева. М., 1994. Т. II. 712 с.
18. **Мифы народов мира:** энциклопедия: в 2-х т. / под ред. С. А. Токарева. М.: Советская энциклопедия, 1994. Т. I. 466 с.
19. **Новиков С. А.** Т. Болотов: Не всё всходит, что посеется // Сеятели и хранители: в 2-х кн. / под ред. В. В. Володина. М.: Современник, 1992. Кн. 1. С. 10-97.
20. **Новиков С.** Болотов: документальная историческая повесть. М.: Советская Россия, 1983. 334 с.
21. **Новиков С. М.** Корни (художественно-документальная повесть). М.: Советская Россия, 1978. 304 с.
22. **Радищев А. Н.** Путешествие из Петербурга в Москву. Публицистика. Поэзия. М.: АСТ; Олимп, 1999. 464 с.
23. **Роспись о приданом** // Русская демократическая сатира XVII в. / подг. текста, статья и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. М. – Л.: Наука, 1954. С. 124-128.
24. **Русева Л.** Все началось с Кенигсберга // Смена. 2004. № 1682.
25. **Русская свадьба:** в 2-х т. / сост. А. В. Кулагина и А. Н. Иванов. М.: Республиканский центр русского фольклора, 2000. Т. I. 504 с.
26. **Русская свадьба сибиряков Среднего Притоболья (Курганская область)** / авт.-сост. М. Г. Екимов. Куртамыш: Куртамышская типография, 2002. 480 с.
27. **Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI-XVII в.** / вступ. ст., подг. текста и коммент. Н. В. Новикова. Л.: Художественная литература, 1971. 286 с.
28. **Русское народное поэтическое творчество:** учебное пособие для педагогических институтов / под ред. А. М. Новиковой. М.: Высшая школа, 1978. 440 с.
29. **Свадебные песни Тульской области** / сост. А. М. Новикова и С. И. Пушкина. Тула: Приокское книжное изд-во, 1981. 238 с.
30. **Славянская мифология** / под ред. Н. С. Шапаровой. М.: АСТ; Астрель; Русские словари, 2001. 624 с.
31. **Федорова В. П.** Свадьба в системе календарных и свадебных обычаев старообрядцев Южного Зауралья. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 1997. 283 с.
32. **Федорова В. П.** Скоморошья песни в народной лирике (по рукописным песенникам XVIII века): дисс. ... к. филол. н. М., 1973. 222 с.

**NOBLE VILLAGE WEDDING OF THE SECOND HALF OF THE EIGHTEENTH CENTURY:
THE VARIANT OF THE CENTRAL RUSSIAN TRADITION (BASED ON THE MEMOIRS OF A. T. BOLOTOV)**

Fedorova Valentina Pavlovna, Doctor in Philology, Professor
Kurgan State University
kafedrailif@rambler.ru

The article examines a local version of rural Central Russian noble wedding (Tula province) in the middle of the XVIII century. The author identifies the traditional features of the all-Russian rite and the changes that were made to it by the provincial nobility, who had learnt the rules of a secular tone during military and civilian service in the capitals. The notes of a poor nobleman, the owner of the village Dvoryaninovo, Tula province, A. T. Bolotov, serve as the empirical base.

Key words and phrases: A. T. Bolotov; wedding; wedding ranks; dramaturgy of wedding; changing the space of wedding; serf orchestra; tradition; innovation; folklore context; fairy tales; little stories; oral stories; legends; songs; dowry painting; rural nobility.